

Культура. — 1995. — 8 апр. — с. 8.

РОМАН — ГЕРОЙ НЕ МОЕГО БАЛЕТА

Афиша заинтриговывала: популярный режиссер и знаменитая балерина обещали спектакль-импровизацию «Балет — любовь моя». (Организатор — «Постмодерн-Театр»).

Международная «звезда» Любовь Кунакова, в недавнем прошлом солистка Мариинского театра, ожиданий публики не обманула. Прекрасная форма, стабильная техника, чувство стиля и чуткость к музыке, непринужденная игра перевоплощений — балерина блистала всеми гранями своего мастерства и таланта. Тому способствовало и построение вечера.

В первом отделении Кунакова вспомнила почти весь свой репертуар, плавно переходя от одного хореографического фрагмента к другому.

Печальные арабески Жизели сменялись легкими вспархиваниями Сильфиды, шаловливыми пунтовыми переборами «Па-де-катра». Одетта мгновенно превращалась в Одиллию, печаль «Умирающего лебедя» сменяла победную радость Лебедя Черного... Аврора, Китри, Никия, Кармен, Махменз-Бану... (партнерами Кунаковой в тот вечер были Александр Семенчуков, Александр Горбачевич, Сергей Радченко, Станислав Фечо). Менялись партии, оттенки пластической речи, эмоции, чувства, настроения. Балерина словно оживляла концерт по истории балета — от романтизма до середины XX века. Форма урока подчинила себе всю первую часть представления.

Вот тут-то и понадобился режиссер. Да не кто-нибудь, а сам Роман Виктюк. Он также решил доказать свои способности к перевоплощению, оказываясь то лектором-популяризатором, то чтецом, исполняющим тексты Вадима Гаевского (в «оригинальной» его интерпретации — Дмитрия), то режизитором, подающим балерине бубен и корзину, то балетмейстером, задающим тему для импровизации. О своей основной профессии он начисто забыл. Ничем не организованное действие так называемого спектакля вяло тянулось сквозь монотонную череду словес, рабавленную яркими танцевальными эпизодами. Из всех ролей Виктюку наиболее близка роль историка балета. Г-н режизитор, сажного не желая, то и дело затмевал бенефициантку, поминутно делая открытия в области балетоведения. Оказывается, «Сильфида» и «Жизель» — балеты, противоположные по стилю, «Жизель» — более романтический, тяготеющий к сюжету, а «Сильфида» — поэтический. Оказывается, Петипа не был признан при жизни и на сто лет забыт после смерти. Потому что его не прельщали сюжеты А. Сухово-Кобылина и А. Островского!

Оказывается, последние гастролы Бежара и работа Алонсо с Плисецкой над «Кармен» происходили в одно и то же время. Искушенная публика узнала много интересного. А неискушенная наверняка принимала Раймонду за Эсмеальду, а «Легенду о любви» Григоровича — за «Федру» в постановке то ли Хорхе Донна, то ли Алонсо, то ли самого Виктюка. Хореографические иллюстрации никак не соответствовали предшествующим рассказам.

И лишь во втором отделении полновластно царил танец. Кунакова предстала изысканной Перси, загадочной обольстительницей неопознанного современного номера (издержки программки), ослепила чеканной геометрией па-де-де Обера. Прекрасная форма, стабильная техника, чувство стиля и чуткость к музыке... И никакого режиссера!

Е. ГУБАЙДУЛЛИНА.

Фото В. Луповского.